

Сергей БАГРОВ

г. Вологда

МАЛЕНЬКИЕ рассказы

ВСЕНОЩНЫЙ ОГОНЁК

Скрип снега под ногами. Запоздалый путник. Идет, чуть отклоняя голову от ветра. Еще при Пушкине он вышел на дорогу. И все идет.

Ночь. Зимняя дорога. Белая река. За нею, как судьба, всенощный огонёк безвестного села. Ступает путник. С берега на берег. И вот он за рекой. Стучится в дверь. Его пускают. А может быть, и нет. За двести лет деревня, как и вся Россия, изменилась. Пускают – стало быть, здесь обитает светлая душа, та самая, которая когда-то подарила русскому поэту очарование божественных стихов, с каким он и ушел туда, где ночь. Однако ночи он не замечает. Идет, как днем, глубоко всматриваясь в нас. При этом ищет самого достойного, чтоб передать ему свой свет, который озарит не только путника в ночи, но и поникшую Россию. Нельзя, чтобы ее печалили надменные враги. Свои враги и те, кто за бугром.

Держись, страна! Будь, как и все великие, непобедимой, светлой и святой. Другой страны для русского народа не было и нет.

ПОД ПОКЛОННЫМ КРЕСТОМ

Русская женщина и концлагерь

Записка в НКВД без подписи ее автора обвиняла сотрудницу Сокольского горторга Леночку Ковтунову в хищении трех буханок ржаного хлеба. Хищения как такового и не было. Однако хлеб был отпущен участникам конференции на обед. И всего-то досталось по сто граммов хлеба на делегата. Стоило б из-за этого разжигать нехорошую страсть... Однако стоял 1944-й, предпоследний год Великой Отечественной войны, и каждый грамм продовольствия был на учете. К тому же и написавшая заявление в органы скрытная дама желала подняться в должности до заведующей отделом, того соблазнительного поста, какой занимала Леночка Ковтунова.

Служащую горторга арестовали и, осудив, отправили по этапу. Три года каторги на Опоках. Для юной женщины, только что вышедшей замуж, это было и потрясение, и несчастье, и стыд за трусливого мужа. Тот, держась за свою карьеру, отказался от Леночки как от жены. Ну, а та, в добавление всех ее бед, оказалась еще и в бере-

менном положении. Однако к беременным в лагерьях относились без снисхождения.

Вот тебе тачка с совковой лопатой. Вот и мостки, по которым езжай на берег Сухоны за породой. Загружайся – и топай, топай себе по плотине. Двигай туда, где сваливается порода, которой назначено быть переправой через реку. Камни, мергель, песок и глина – это и есть главное каторжное богатство. Вози его и в чудесный солнечный день, и в туман, и в пургу под тоскливый визг колеса крепкой тачки. Сбрасывай груз в пасть реки, да следи, чтобы он и тебя ненароком не опрокинул, смешав со сваливаемой породой.

Леночке было тревожно не столько из-за себя, сколько из-за ребенка. Тот давал уже знать о себе изнутри, ибо рос, заставляя маму терпеть нечеловеческую нагрузку.

Вынесла женщина то, что вынести невозможно. А вот ребеночек – пас. Появился на свет, но уже неживой. Похоронила его Ковтунова тайно, под податливый грунт, где стояла иглистая елка. Корни ее и обняли малыша, словно руки живущей мамы.

Русская женщина и концлагерь. Кто над кем возьмет верх? Поединок почти фантастический. Проигравший его оставался на Сухонском берегу, в коллективной могиле, где все были равными по судьбе. К счастью или к несчастью, но в апреле 1947-го плотина не выдержала, взломалась под натиском ледохода. Строительство прекратилось. Часть заключенных была переправлена на новый объект. Леночке повезло. Оказалась в списке тех, кто отплывает на пароходе. Туда, где нет ни лагерных вышек, ни тачек с породой, ни угрюмых охранных собак.

Остановилась Леночка в Тотьме. Здесь все для нее стало так, как она даже и не мечтала. Наверное, кто-то высокий и сильный взял на себя заботу о ней. Потому и взял, что увидел в ней не падшую, а святую. И повернул ее к свету и доброте. И вот она устроилась на работу. Встретила друга жизни. Стала любимой женой. Воспитала двух дочерей. Дождалась внуков и правнуков. Чем могла, всем и каждому помогала. В конце концов, разменяла девять десятилетий. Мечтала когда-нибудь побывать в незабвенных Опоках. Вспомнить самое горькое, всплакнуть о тех, кто тоже хотел бы отсюда домой. Но побывать, к сожалению, не сумела. Вместо неё посетила Опоки старшая дочь, такая же сердобольная, как и мама, остро жалеющая людей за их незаслуженное страдание.

– Спице, несчастные горюны, – сказала дочь на прощанье, окидывая взглядом берег.

НА ЛЕДЯНКЕ

Декабрь 41-го. Русские девушки ох и выносили. Всё-то ведь сами – и деревья сваливают на волок, и сучки с них ссекают, и разделяют хлысты, а потом, загрузив разделанное на сани, отправляют на пилораму. До нее 10 верст. И всё по ледянке. Идут лесные работницы вслед за лошадами, рядом с возами. Все как одна в полушалках, фуфайках и валенках. Везут березовый кряж, тот самый, который распилят, распарят, загнут, превращая его в солдатские лыжи. А кто на тех лыжах? Опять же, их, леспромхозовских девушек, кавалеры. Все они там. Воют, кто-то под Ржевом, кто-то под Ленинградом.

Потрескивает мороз. Из-под ёлок, поднявшись стаями, взлетают зобастые снегири. Право, малиновая ватага, хлынувшая к возам. Садятся на крупы коней. А то и на вожжи.

Улыбаются девушки. То одна, то другая, не выпуская из рук вожжей, снимет птичку с коня и разговаривает как с парнем.

– Куда полетишь-то теперь? А, малиновый? Коль туда, на войну, то привет моему сударику передай.

– Цви-цви! – отвечает снегирь, взлетая с вязаной рукавички, и тотчас же зигзагами – вверх, над мерцающей льдом дорогой. Неизвестно, куда и умчит. Может, даже туда, где сударик.

ДЕВУШКА ИЗ ТУМАНА

Апрель. Запах черемухи. Вечер. О, как падали звезды на полустанок! Спать бы бойцам. Но не спится. Да еще этот Ваня Синицын с баяном своим. Не играет, а в душу лезет, выворачивая ее:

*Синенький скромный платочек
Падал с опущенных плеч.
Ты говорила, что не забудешь
Ласковых, радостных встреч...*

Берлин отсвечивает огнями. Он где-то там за дачами и садами, километрах в 15-ти, а видится рядом. Выйди за двор полустанка, он тут и есть.

Летают ракеты. Смешавшись со звездами, они, как загадочные цветы, которые кто-то кладет на небо.

Синицын устал, поэтому и играет, чтоб чуть-чуть отдохнуть от войны.

Рядом бойцы. Лежат, подстелив под себя шинели, среди набухающих яблонь с рябинами и черемух, вдыхают пряные ароматы и млеют.

Там,верху, на германском небе уже и луна выблинула как серпик. Капитану Баранову надо бы запретить играть на баяне. А вдруг услышат? И дадут о себе знать прицельным огнем? Но близкая музыка так туманит. А голос так чисто выводит девушку из тумана, что видишь ее только взволнованной, только милой. Оказался Баранов в плену талой песни, поддался её обаянию, зажмурил глаза и спокойно заснул. И бойцы ушли вслед за ним туда, где рождаются сны.

*Порой ночной
Мы распрощались с тобой...
Нет больше ночек!
Где ты, платочек,
Милый, желанный, родной.*

Песня резко оборвалась. Оборвался и голос баяна. Нехорошая тишина. Сон был и ушел.

– Синицын? – окликнул Баранов.

Но Синицына нет. Сражен той самой пулей, какая летела сквозь листья сада.

Плачет, не сдерживаясь, Баранов. Плачут, не сдерживаясь, бойцы. Одна лишь луна не плачет. Выставилась бельмом на землю, и хоть бы ей что. Слишком много видела мертвых. Привыкла.

Утром приехал штабной полковник. Вручать отличившимся воинам ордена. Среди награжденных был и Ваня Синицын.

Полковник не знал, что и делать ему. И все же решил наградить Синицына как живого. Встал перед ним на колени. Вздохнул глубоко. Орден Боевого Красного Знамени так и вспыхнул на кителе баяниста.

Баранов встал на колени рядом с полковником. Опустились перед Синицыным и бойцы. Никто ничего не сказал, но все услышали:

– Синенький скромный платочек...

Это душа Синицына. Прощалась с бойцами, уходя в неживые миры поющей.

ЭХ, САШКА...

Машина – куда? В сторону Ленинграда. Везет из района голодным жителям хлеб. Дорога спокойная. Слышно, как шишки на елках поколачивают друг друга да изредка пули свистят. Откуда бы им и взятыся? А вот хоть и редко, но пролетают.

Вон малая деревенька с двумя рядами рубленых изб. Машине здесь задерживаться не надо, как вдруг она повернула, пошла каким-то неправильным ходом, словно вел ее страшно пьяный шофер. Проломила забор – и в палисад, и тут же

– в сам дом, из окон которого, лопаясь, полетели визжащие стекла.

Сбежались женщины и подростки. Открыли дверцу кабины. А там – шофер в гимнастерке. Сидит откинувшись, как отдыхая. На лбу – дырка, из дырки – тоненький ручеек. Не верится, что боец уже там, в мертвом мраке. К тому же и фары горят, и мотор как поет. Вытащили беднягу. Уложили в разросшиеся на клумбе анютины глазки.

Тут с той же самой районной пекарни подошла и вторая машина. Тоже с хлебом для Ленинграда. Рядом с шофером – снабженец в пилотке, с нагрудным ремнем и кожаной сумкой через плечо. Он и уселся в кабину застреленного шофера.

Вечер. Бессильное солнце. Полуторки с хлебом. Новый шофер, увидев кровь на баранке, не оставившаяся, вытер ее рукавом гимнастерки. Сказал: «Эх, Сашка, Сашка». И ушел в чуткий слух.

Но кроме мотора лишь ветерок да всплеск листвы на тощих осинках. Солнце ушло. Там, где уселось оно, приглядываясь к земле, мерцал Млечный Путь. А дальше, под ним, опираясь о берег Невы, стоял Ленинград. Пасмурный-пасмурный, но суровый.

УТОЧКА, УТОЧКА, ПОЛЕТИМ...

Был ты в обычной командировке. Только что слез с автобуса. Проходил около гаражей. Откуда-то со двора, где стоял автокран, послышались крики. Кто-то толстый, с развевающимся шарфом, выскочил из ворот.

– Сюда-а!

Звали тебя. А может, и не тебя. Тем не менее ты повернул.

– Ты – кто-о? Алексан? – спросили тебя.

– Нет.

– Всё равно. Помоги.

Кому и чем ты должен был помочь, тебе невдомёк. А когда ты понял, что это тебя не касается, ибо увидел целую стаю о чем-то споривших выпивох и хотел пройти мимо них, как вдруг к твоей голове приложилась доска, и ты на пару минут выключился из жизни.

Удар не смертельный, но было больно. К тому же поплыли ноги, и ты упал, выпуская из правой руки чемодан.

Когда очнулся, увидел рядом лежавшего под баггером автокрана молодого мужчину в сером пальто. По лицу его полз красный шнур застывающей крови. Стало как-то не по себе. Ещё более удивило, когда вверху над собой разглядел куривших милиционеров. Их было трое, и они на

тебя смотрели как на законченного злодея. От чего? Да, наверное, оттого, что пальцы руки твоей сжимали не ручку дорожного чемодана, а металлический болт. Не тот ли самый, которым и был отправлен в чужие миры расположившийся рядом с тобой неживой человек.

Здесь что-то не то, понял ты. Какая-то чертовщина.

Милицонеры выглядели уверенно. Им, наверное, было всё ясно. По их пониманию, здесь случилась схватка двух рассорившихся людей. Схватка, закончившаяся убийством.

Ты был должен давно оказаться в своем родном доме. И вот вместо дома – бог его знает где. Ведут в какое-то мрачное заведение. Где коридор с постовым. Где первая ночь в обществе заключённых. А затем и утро нелепейшего допроса.

Тебе это утро преподнесли как злодею, который должен принять на себя чужую вину.

Отвести от себя подставу ты хоть и пробовал, да не мог. Не умел убедить в своей невинности ни защитника, ни следователя, ни суд. Потому и принял, как чей-то подарочек – десять лет лагерей.

Жалко было жену. Она такая юная, неопытная, оставшаяся без денег. К тому же была беременной.

Жалко и сына, который ещё не родился, но родится, подрастёт, начнет говорить и обязательно спросит: где мой папа? Почему? Почему он не с нами?

Себя тебе было не жаль. Наоборот, ты был зол на себя за то, что так несуразно попался, получив в обмен на свою неповинную жизнь чью-то чужую, над которой сейчас посмеивался убийца.

Из щелей вагона, мчащегося к востоку, ты видишь светящиеся цветы. День такой пасмурный, а шагах в 20 от тебя, возле насыпи – пышные вербы. О, как их много. И все они распустились. На какую-то долю мгновения ты в них видишь и не цветы, а сплотившиеся друг с другом чьи-то сиротские души. Ветерок чуть прошелся по ним, и ты услышал в их безрадостном шевелении сочувствующие слова:

– Не горюй, не горюй...

Скрежещут колеса вагона, унося тебя мимо разлившихся верб. Губы твои ломаются в трудной улыбке:

– Вербы, вербочки, до свиданья...

* * *

Темнота предзимнего дня. Выйди, не поленись, за порог барака, и ты услышишь за вырубкой чью-то воркующую беседу. Знаешь, что

там, кроме ёлок с березами, нет никого. А веришь, что это табор, а в нём обвитые шалами кому-то гадающие цыганки.

Ночи в лесу такие все разные. Но из разных ты выбираешь свою, ту, что тебе обещает хоть и малую, но надежду. Вот и сейчас ты глядишь сквозь потёмки на свежие пни. Вырубка, право, как тайное озеро, где сплошные живые утки, выплывающие из пней. Прямо к ногам твоим подплывают. Так и хочется наклониться, чтоб ладонью – по гладкой спине, как любимую женщину, ту, от которой тебя увезли. Увезли, наверное, для того, чтоб опять тебя к ней привезти. Но когда это будет?

– Уточка, уточка, полетим!

Ты к полёту этому так стремишься! Так и рвёшься туда, где твой берег, а на том берегу с тремя окнами на реку твой уютный бревенчатый дом. Там жена. Там и сын.

Сыну скоро пять лет. Он желает узнать:

– Где мой папа? Почему он не дома? Когда он вернётся?

Мама гладит малого по головке.

– Почему ты расспрашиваешь о нём?

– Я люблю его! – плачет мальчик и бросается к маме, чтоб обнять её и понять:

– А где он сейчас?

– За Уралом. В лесу, – отвечает она.

Сын серьёзен и хмур. Что-то вбивает себе в маленькую головку:

– А папа какой у нас? Смелый?

– Смелый.

Сын решительно объявляет:

– К папе! К папе хочу!

– Далек он, сынок. Очень, очень.

– А на поезде можно к нему?

– Наверное, можно.

Мама подхватывает ребенка. Поднимает на грудь. Прижимает к себе. Слышит сердце. Сначала – сына, потом – и своё.

– Ты ещё маленький. Рано тебе в такую дорогу. Потеряешься в ней. Я такого не вынесу. Заболею тоской и умру.

– Нет! Нет! Нет! – О, как льнёт к горячему маминному плечу задрожавшее личико сына. – Не поеду я никуда. Хочется к папе, а не поеду! С тобой остаюсь. Не хочу, чтобы ты умирала. Пожалуйста, мама, живи!..

Невозможного нет. Всё возможно. Только это возможное где-то там, в новой жизни. В жизни очень большой, неизведанной и манящей, к какой готова сегодня лишь рыдающая душа.

– Уточка, уточка, полетим!..

По лицу твоему порхает бархатная снежинка.

Там и вторая. И третья. Много снежинок отправило небо, решив подарить их угрюмой земле, чтобы та немножко повеселела и люди на ней снова учуяли хоть и малую, но надежду....

ЦАРСКАЯ ЯГОДА

Мечтаю о полянике, ягоде для князей, какая и нынче произрастает на Русском Севере, но только в тех сохранившихся чудом смешанных перелесках, где продолжают расти по соседству берёза, осина и ель. Именно в светлых лесах, на вырубках и полянах, рядом с болотом, куда попадает солнечный луч, она и осталась.

Впервые эту ягоду я увидел во время войны. Моя бабушка часто брала меня в лес, где мы, старая с малым, искали ягоды и грибы. Однажды в пяти километрах за Тотьмой, у речки Чёрной попалась нам маленькая поляна. Была она вся в свету, и в коренастых кустиках среди листьев, похожих на птичьи крылья, я увидел знакомую мне ягоду костянику. Куда её? Разумеется, в рот. Одно меня удивило, что ягода не имела костянок, была слишком сладкой и аромат её, право, туманил всё моё детское существо. Бабушка крикнула мне:

– Что ты делаешь? Это же поляника! Её не едят!

Я удивлён:

– Она же вкусная!

– Ещё бы! Цари её раньше ели.

– А нынче?

– Наши покупщики. У кого кошельки тугие. Собирай и не ешь!

Не мог я послушаться бабушку. В те военные годы наша жизнь зачастую зависела от того, с чем вернёшься из лесу домой. С поляником – значит, тебе повезло.

Поляника, она же мамура, княженика, арктическая малина... Более сорока названий оставила ягода о себе. И каждое из названий несёт в себе смысл, связанный с местом, где она обитает, её природными свойствами и путешествием по стране, с каким она доставлялась на стол купцу, боярину, князю и даже царю.

Поляника лишь внешне похожа на костянику. Так же растёт в светлых сырых лесах. Каждая ягода с бугорками. Такие же рассеченные на три части крылатые листья. Такие же гибкие стебельки. Но если у костяники вкус ягод сладко-прохладный и водянистый, то у мамыры он крайне сложный, вместивший в себя ароматы малины и земляники, душистость вишни и гамму вкусов всех ананасов и персиков юга.

Один недостаток у поляники – маленький уро-

жай. Связано это с самим процессом её развития. Надземные побеги её ежегодно на зиму отмирают. Многолетней является лишь подземная часть. Новые побеги образуются только весной. Формируются они в кустик высотой от 10 до 30 см. В июне, июле на побегах вспыхивают одиночные ярко-розовые цветки. Опыляется поляника лесными насекомыми. Плоды созревают в августе. Новые особи поляники образуются из корневых отпрысков. Ягодные семена почти никогда не всходят, а если и всходят, то глушатся растительностью лесов. Это и является главной причиной её слабого плодоношения.

В своё время И. В. Мичурин писал: «В наши северные уезды ежегодно являются скупщики из Москвы и платят за ягоды поляники цены какие бы ни просили, но количество собираемых ягод всегда незначительно и далеко не может быть сравнимо с урожаями других наших лесных ягод».

Как раньше, так и теперь поляника считается самой вкусной ягодой на земле. Не зря же у тотемских барышень, ходивших за княженикой в заречные перелески, скупали ягоды сухонские купцы. Такое было заведено с древнейших времён. Скупали и отправляли в Швецию, где очень выгодно продавали.

Вот почему полянику называют в народе то княжой ягодой, то боярской, то царской. Она и редка, и вкусна. И высокоценна. Не каждому по карману. А уж если кому повезло на неё напасть, то это был приработок. И упаси боже ею полакомиться. Такая уж это ягода. Не для простого народа – для князей и царей.

Поляника на грядке. Такое в нынешний день увидеть почти невозможно. И всё же. Есть фанатики-садоводы, которым ни жить, ни быть, а надо, чтоб данная редкость росла в огороде. Вот и Виктор Осокин из села Катудино, что в Вологодском районе, решил в своё время переселить княженику из леса к себе на усадьбу. Ходил специально за нею на вырубки за село. Приносил её вместе с корнями, комом земли, иногда с распустившимися цветами. Сажал в течение лета на грядки, а по весне, сохранив ягоды в морозильном шкафу, сеял её семенами. И ведь росла у Осокина поляника! Урожаем, правда, не очень блистала. Так, две-три горстки – с маленькой грядки. Зачем бы, казалось, тратить на эту ягоду усилия, время, если она и в лесу посредственно плодоносит? Да затем, что такие, как Виктор Осокин, ставили цель – добиться, чтобы реликт приносил урожай в огороде гораздо богаче, нежели в перелеске, и чтобы ягоды были крупнее лесных. Цель благородная.

К проблеме окультуривания мамуры возвращался не раз и И. В. Мичурин. Он полагал: «...если бы удалось сделать мамуру более продуктивной и приспособленной к садовой культуре, это было бы огромное завоевание и большая услуга русскому садоводству».

Устойчивые и обильные урожаи мамуры! Вот что подстёгивало таких, как Осокин, растить на грядке реликтовую культуру. Слава богу, в эту затею вовлечены и учёные. В 1972 г. в Финляндии были отселектированы первые сорта культурной поляники Меспи и Месма. Получены также гибриды между малиной и поляникой, названные нектарной малиной. Удачным оказалось и скрещивание шведскими селекционерами поляники и костяники.

Архангельский учёный Владимир Николаевич Нилов провёл испытание шведских сортов. Сорт-овая поляника после первого года экспериментов дала у него до 500 г ягод с квадратного метра.

Одним словом, первые шаги из леса в сад поляника уже совершила. Сделала их с помощью садоводов-любителей и учёных. А что же дальше? Ещё шаги. Тех же учёных. Тех же любителей-садоводов. Пусть поляника растёт и в лесу, и на грядке. Не только для царствующих особ. Для всех. И не выводится никогда. Может, и вправду, говаривал мне Осокин, охраняет ее большеглазая Богоматерь, у кого на груди прелестное чадо, обожающее, как и вся малышня России, до безумия вкусную ягоду-царю.

О, ЭТИ НЕЖНОСТИ

О чистых и незаметных. Как их много разбросано по Руси...

Танюшка живет в поселке Светлый Ручей. Ей 16-й год. Она энергичная, быстрая. Нынче окончила 8 классов. Впрочем, окончили эти классы еще три девочки и один хромоногий мальчик Вадим – Танюшкин стеснительный воздыхатель. С этого лета школу закрыли, так что никто в ней учиться больше не будет. Каждый судьбу свою выбирает сам.

У Танюшки судьба идет через лес. Рядом с домом ее, прямо по огородам проходил когда-то старинный волок. Далеко не в нашем тысячелетии между реками по траве трелевали лодки с добром, переправляя его на Сухону с Ваги, а то и обратно. А сейчас здесь кустарник и гарь, и, конечно, сам лес, снова новый, который родился на вырубках в те советские годы, когда создавался здесь лесопункт.

Дорога жметя к большому, без крыши, нежи-

лому бараку, за которым – пустырь. Здесь колыхала когда-то тучная рожь, а теперь шелестят листочками низенькие осинки. Дальше – выруб-ка, сенокос с сеновалом, ельник с мостами цветных мухоморов. А вон и болото, всё-всё в пышных сосенках, под которыми – царственная морошка.

На болото стала Танюшка ходить с малолетства. Ягоды и грибы обычно заказывала знакомая семья, благодаря которой девочка стала иметь карманные деньги и может купить на них то, что ей по душе.

Солнышко лънёт к Танюшке, целует ее подбородок, глаза и губы. Девочка как бы шутя отмахивается от его шаловливых касаний:

– Ну, будет. Не парень, эдак обхаживаешь. Отстань!

Солнышко тут же и прячется среди березок. Танюшке мило чувствовать, как по ногам ее, обутым в резиновые сапожки, мягко плещет туманная голубика. Кругом покой. Однако Танюшке покой ни к чему. Ей нужен шепот кустов и дыхание мха, с каким тот сопит и бормочет, выбираясь из подземелья.

Ягоды сами просятся в руки. Румяные, в бугорках, они летят в берестяную корзину. И запах от них молодой и крепкий, как от пчелиных избушек на огороде.

В голове у Танюши нежная песня. О небесах, о ласточках, о свободе. О, эти нежности! – ворчит она на себя. Вроде и нет их нигде, а она эти нежности ощущает. Потому и глядит удивленно на всё, что с ней рядом. Право, радость у девочки так и подпрыгивает от счастья. Из лесу не хочется никуда. Однако корзина уже переполнена. Надо домой.

Ступает она по солнышку, которое ей указывает дорогу, выводя из сырого простора на отмеченный елками полумрак. Здесь хмуро ширятся старые ели и где-то меж ними, покачиваясь, крадетя присыпанный листьями бодрый ёжик.

Душа у девочки переполнена чувствами. Где-то среди них, порываясь, вздрагивает сердечко. Сладко-сладко ему, как зайчику на поляне, где его ждет взволнованная зайчиха. И вдруг уже на подходе к поселку, среди молодого кипрея, на скамейке перед колодцем она заметила Вадика, в белой рубашке, причесанного по моде, с цветочком в губах, как с прикуренной папироской.

Увидев ее, Вадик разволновался. И так-то он был не особенно говорливым. А тут и совсем сделался как немой. Ладно хоть Танечка повернулась к нему и, задерживаясь, спросила:

– Вадичек, это ты?

– Я, – еле слышно ответил Вадик и сразу под-

нялся. Стараясь не захромать, сделал к Танечке несколько трудных шагов. Но сразу и оконфузился, поскользнувшись на втопанной в землю бутылочной склянке. Однако же устоял. О, как хотелось ему выглядеть в эту минуту красивым и смелым, с улыбкой, без хромоты и нелепой гримасы, что поползла по его огорчившемуся лицу.

Ногу свою потерял Вадим в позапрошлом году. Шел по бровке дороги вдоль Сухоны. Да попался навстречу пьяный мотоциклист. Он и сбил его с ног. Мало того, желая скрыть преступление, сбросил Вадика с берега вниз на камни. И скрылся. Вадика обнаружили через сутки. Идти он не мог. Одна нога в переломе, вторая – в ушибах. Лечили. Сперва – в районной больнице, а там и дома, прикладывая к незаживающим ранам свеженакапанную смолу. В результате одна нога восстановлена, вторая – отрезана под коленом. Дабы не выглядеть одноногим, уже дома после больницы с отцом своим, занимавшимся заготовкой соснового масла, смастерил самодельный протез. На нем и учился ходить, лишь бы не быть похожим на инвалида.

И вот дожил до нового лета. Как и отец, стал работать в лесу, заготавливая живицу. А вечерами дома сидел. Тайком высматривал из окна поселковых девчат. Танюшку выделил среди всех. О, как хотелось ему с ней остаться один на один. Девушка, надо думать, не догадывалась об этом. И вот он выбрался к крайней улице, где колодец. Сидел на лавочке, в новой рубашке и брюках с клином, скрывавшим от глаз нелепую хромоту.

– Я, – повторил Вадим, удивляясь тому, что Танюшка стояла с ним рядом, чуть наклонившись в сторону от корзины, и бежать от него как будто не собиралась, что его смутило и удивило.

Девушка поняла его и сразу почувствовала к юноше жалость. Но еще сильнее, чем жалость, уловила в себе порыв благодарности. За что? Наверно, за то, что выглядел он сейчас каким-то неловким и благородным, в то же время мужественным и чистым, и дух пристойный шел от него, как от туманного бора. Поэтому восторженно спросила сквозь неожиданное волнение:

– Ждешь, поди-ко, кого? Так ведь, Вадичек?

Он не знал, что на это и сказать. Два шага между ними. Сделав их, он забрал у нее корзину.

– Ты, наверно, устала, – вздохнул и пошел к Танюшкиной улице, ощущая на правом плече ее маленькую ладошку. До чего же была она невесомой и божественно пахла мхом, молодыми соснами и морошкой.

ЖДУ

Нас семеро. Здесь, в деревне Медведево, живем вторую неделю. Сами мы городские, из Тотьмы. Сюда приехали на уборку колхозного урожая. Вот и сегодня весь день были в поле. Дёргали лен. Устали. Сейчас возвращаемся к месту ночлега.

За бывшим погостным двором открывается улица рубленых в лапу колхозных домов. В последнем из них, под березами над рекой, с давних пор никто не живет. Сюда нас и поселили.

Слышен скрип отворяемого окна. Это наша соседка, она же и экономка, кто готовит для нас щи и кашу, топит печь и ставит на стол утром и вечером самовар. Зовут ее Маня. Румяная, с ожерельем на шее из свежих рябиновых ягод, в платье с желтенькими цветами, она все время куда-то торопится, даже минуту на месте не посидит. Завидев нас, спешит сообщить:

– Хозяйничайте, ребятки! Оставляю одних. Каша в печи. Самоварчик кипит. Сами давайте. А я побежала.

Дом у Мани рядом, за огородом. Там ребеночек у нее. А по-за домом подворье, где стоят корова и поросенок. Торопится Маня, чтобы всюду успеть. В колхозе она на разных работах. На сегодня из этих работ осталась одна – сбежать в поле, где мы теребили колхозный лен: все ли там ладно и надо ли что после нас поправлять?

Маня сама еще как девчонка. 19 годиков. Замужем. Но с мужем жила только месяц. Ввалилась война. И мужа забрали. Год уже как воюет. Связи, однако, с ним – никакой. Отчего и горюет она. Чтоб убавить тоску, ставит по вечерам на кухонный подоконник старенький патефон. Увидев нас из окна, поправляет ребеночка на груди и справляется деликатно:

– Я вам, ребятушки, не мешаю?

– Нет, нет, – откликаемся мы и тоже слушаем вместе с Маней то, как поет Изабелла Юрьева про встречи и расставания, про загадки души, про любовь на земле, которой дано, несмотря на войну, продолжаться и продолжаться.

Из-под берега, где лепечут ивовые кусты, слышно, как шлепают весла. Мы отвлекаемся. Ночлег куда от нас денется? Подождет. Сворачиваем к реке.

Вниз по реке на маленькой лодке спускается дедушка Тимофей, единственный из мужчин Медведева, кого не отправили на войну. Деду за 70 лет. Староват. Письмоносцем он здесь. Один на шесть деревень. Возит из города почту.

Лодка причаливает к плоту. Дед, увидев нас, зазывающе взмахивает рукой. Письма, какие – в Медведево, нам сейчас и отдаст.

Мы чего? Мы готовы помочь старому человеку. Забираем все письма и все газеты. Тут же быстро – наверх. Отправляемся по домам.

На душе у нас смутное ожидание. Смущает нас то, что не знаем, чего колхозникам отдаем: то ли хорошие вести, то ли уведомления, от которых бледнеют лица у матерей.

В руке у меня пахнущее войной тоненькое письмо. И отдать его должен я нашей Мане. Нерешительность заплела мои ноги, и я с грехом пополам поднимаюсь на низенькое крыльцо.

– Теть Мань...

И вот она, молодая, красивая, в платье с желтенькими цветами, выбралась на крыльцо. Улыбается. Но, увидев письмо, обрывает улыбку:

– От Сашеньки или ...

Нас семеро, и мы, как спрятавшись, договариваем за Маню:

– Или от командира, кому положено сообщать об убитом бойце.

Маня нас не услышала. Да и как тут услышишь, если мы эти несколько слов, едва начав, тут же и потеряли, настолько сильно была в нас вера в жизнь.

Убегает Маня домой в пылком трепете и тревоге. Через пару минут – назад. Взмахивает письмом. Кого-то из нас – в охапку. Целует и обнимает:

– Жи-ив!!!

Светится Маня не только алыми щёчками, но и ягодками на шее. А на ситцевом платье ее от волнения даже цветочки переменялись. Были призрачно-желтые. Стали как золотые. И в глазах – сменившаяся картина. Смотрит Маня на нас, а видит собственного супруга. Мы догадываемся об этом. Отчего всем нам сразу становится хорошо. Мы улыбаемся. Тут же все как один верим в то, что муж нашей Мани так и так возвратится домой. Возвратится именно с теми, кого война убивала, но не убила...

Неожиданно загремело. Прямо на нас, чуть дымя, как на тройке гнедых, поехала туча. Сразу и дождь. Мы едва успеваем перебежать с крыльца на крыльцо. И вдруг, прорываясь сквозь дождь, как из дивной страны, божественный голос. Потому и слышно его, что Маня открыла окно, из которого к нам:

*А здесь шуршит еще сухой листвой ненастье,
Осенний дождь шумит всю ночь в саду.
Я берегу свое бывшее счастье,
Ты не придешь, но я тебя здесь жду...*

Это Маня. Стоит с ребеночком возле распахнутого окна. И, моргая, слушает патефон. Мы тоже слушаем. И нам верится в эту минуту: слушают Изабеллу Юрьеву все-все, к кому прикоснулось очарование.

ГИДРОПЛАН

Город Тотьма. Синее небо. Вверху, где берег с кинотеатром, слышится рокот. Тут же – и тень. А за тенью, потряхивая крылами, спускается гидроплан. Две реки под его ныряющим фюзеляжем. Сухона с Песьей Деньгой. Слышно, как бухают грузные лыжи, и машина, покачиваясь, плывет. Спешит к ликующим горожанам.

Там и сям замелькали флажки, пионерские галстуки, кепки и бескозырки. Кто-то визгнул от радости. Кто-то подпрыгнул.

Мне всего пятый год, и я мало чего понимаю. Но рядом Миша, мой брат, ему 9 лет, и он мне весело объясняет:

– День авиации! Праздник! Сейчас кого-нибудь заберут – и туда! – пальчик его показывает на небо. – Давай-ко и мы! Может, и полетаем!

Мы побежали к рябившей воде. Там стоял гидроплан. Стояли и те, кто хотел, как и мы, оказаться в его салоне и, взлетев, оказаться вверху, где мерцала крыша кинотеатра, а над ней – молодая небесная синева. Однако нас к гидроплану не пропустили. Кто-то во френче с воротником, на котором горели кубики командира, говорил, словно пел, упиваясь радостью и восторгом.

Миша так и метался, так и рвался туда, где встал командир, и я боялся, что он вот-вот отцепится от меня и я останусь на берегу, так и не сев вместе с ним в летательную машину.

Однако не нам, а кому-то из взрослых улыбнулась возможность забраться вслед за летчиком в гидроплан.

Минута. Все замерли в ожидании, и, как только машина, подняв волну, побежала с рокотом по реке, а потом, покачнувшись, взлетела к маковкам тополей, все, кто был на мостках, закричали и замахали трепещущими флажками, выражая артельный восторг. Гидроплан, дав круг над городом, ринулся на посадку. Чтоб опять кого-то выбрать из тех, кто встречал его как хозяина поднебесья.

Было чувство смелого привыкания к чему-то необычному, что было сродни юношеской мечте. О, как хотелось нам полетать! Но, увы. Праздника авиации мы больше не отмечали. Наступил 41-й. Война. Гидроплан улетел туда, где бомбили и убивали.

Теперь мы с братом спешили к пристани, откуда отчаливал пароход, увозивший юношей города на войну. Там, на западе, каждый вечер горел и горел далекий закат, в котором грезились нам бегущие с красным знаменем рядовые, сержанты и капитаны. Кому-то из них предстояло не возвратиться. Кому? – спрашивало в груди. Но никто на это не отзывался.

У будущего, как у немногого, не было голоса для ответа. Была лишь хвойная линия горизонта. На нее и глядели наши неопытные глаза. И теперь, спустя семь с половиной десятилетий, они вглядываются туда. Только видят уже не елки на горизонте, а узнаваемый нами со звездами на крылах гулко рокочущий гидроплан. Словно он возвратился из прошлого, специально выбрав для этого солнечный день. Загрузил нас, как самых первых из тех, кто тогда за год до войны на него не попал. И с тяжелыми брызгами оторвался от Сухоны с Песьей Денгой. Поравнялся с макушками тополей и пошел круто вверх, уносясь в зовущее небо, где нас, кажется, кто-то ждал.

ВСТРЕЧА С ТЕМ, КОГО НЕТ

Июньская светлая ночь. Я лежу на старинном с железными лентами сундуке. Здесь постель у меня. Вижу сон. Хотя, может быть, и не сон.

Я – один. Во дворе. Калитка открыта. А в ней, не решаясь войти, – высокий военный в запыленных ботинках, обмотках и галифе.

– Здравствуй, сын!

– Папа! – я решительно бросился навстречу полуночному гостю, принимая его за родного отца. Но тот отошел на два шага назад:

– Нет! Нет! Нет! – рука у него какая-то вся сквозная, загородила дорогу к себе, словно это было рискованно и опасно. И я резко остановился.

– Нельзя ко мне... Я – не рядом. Я далеко. На линии фронта. Меня уже нет. А явился я к вам нелегально.

Я испуганно улыбнулся:

– Может, маму позвать? Я ее разбужу.

Гость неловко переступил с ноги на ногу.

– Нет. Не надо. Она расстроится.

Я растерялся.

– А Мишу? – назвал почему-то старшего брата.

– И его не зови. Я ведь ненастоящий. Видишь?

– Боец прикоснулся рукой к гимнастерке, напротив сердца, и я увидел на ней большое расплывчатое пятно. – Это рана моя. Смертельная.

Я смутился и удивился:

– Но как? Я ведь вижу тебя?!

– Потому и видишь, что оттуда, где я оказался, никого обратно не отпускают. А пришел я сюда без спроса. Тайком. Мне так важно узнать: как вы тут? Без меня.

Я не мог не сказать:

– Плохо, папа. Особенно маме. У неё что ни вечер, то и слёзы из глаз. Очень хочет тебя увидеть. А как увидеть, если тебя, говоришь, уже нет?

Гость кивнул головой и, бледнея, пошевелил тяжелеющим языком:

– До свиданья, сынок. Время моё истекло.

Спохватился я:

– А письма к тебе? Письма можно писать?

– Нет. Не надо. Они все равно до меня не дойдут.

Я опять спохватился:

– А что маме сказать?

– Ничего. Так будет лучше.

– Мама у нас, – начал я. Но отец перебил:

– Самая лучшая. Любите её так, как я бы любил.

Полным сердцем.

Калитка вдруг дрогнула и закрылась. Я поспешил ее отворить. Смотрю вдоль улицы на отца – и не вижу его. Да и сам я уже почему-то не во дворе. Снова дома. Снова лежу на старинном с лентами сундуке. Значит, он, мой отец, приходил ко мне в те минуты, когда я рассматривал сон.

О, большое солдатское горе. Сколько силы в тебе, если ты разбудило и мертвого, отправляя его за тысячу километров. Для чего? Для того, чтоб увидеть свой дом и кого-то из нас.

Что ж. Увидел – и сразу назад. Туда, откуда не отпускают.

СОЛДАТСКИЕ ГЛАЗА

Герои Родины. Не награждённые, оставшиеся, кто в окопе, кто – на берегу реки, кто – в степной траве. Где смерть застигла, там вы все и есть. А на груди у вас – живая птица, переступает лапами, чтоб оказаться возле ваших глаз.

О, воины родной земли! Не было в истории Руси такого века, чтобы вы не поднимались против черной силы, защищая Русь.

Гляжу, как по дворам и улицам с воинственными криками проносятся задорные мальчишки. Но вижу, кажется, не их, а будущих солдат, кому положено подняться над окопами и, как отцам в былые времена, вступить в кровопролитный бой.

Как бы хотелось, чтобы боя не было. А и не будет! – думаешь, со злостью всматриваясь в стаю тёмных птиц. Те медленно парят, разглядывая землю хищным взглядом, словно пытаются найти того, кто навсегда споткнулся среди мирных трав.

Земля вздыхает, как вдова, не принимая птиц. Но те летают и летают. Вон одна из них, всех ниже, с острым клювом, спокойная, с чутьём на всё, что жило, но сегодня не живёт. Наверное, стервятник. Не тот ли самый, кто готов распробовать солдатские глаза?..

ЯРОСТЬ

Стать поэтом. Просто или непросто? Азы поэтического искусства постигал Иван Малозёмов, когда жил в Белозерске, и на пару с Сергеем Орловым, учившимся с ним в одной школе, выходил на прогулку к Белому озеру. Выходил обычно по вечерам. Слева – синий простор, справа – город, а где-то вверху, словно парус, плывет чистый месяц. Именно месяц, земля и озеро и стали для начинающего поэта поводьями, которые повели его за собой в край рождающихся метафор.

*Ах, у осени ласки скупы!
На деревню, поля, на лес
Опрокинулся розовый купол
Отцветающих синью небес...*

Не вошел Малозёмов в литературу. Вмешалась война. Так уж вышло, что были сначала уроки по части того, как наносить врагу яростные удары. Танк стал Ивану верным товарищем. На танке он и въехал в войну.

Мир разделился на две половины. В одной – те, кто его разрушает, в другой – защищает и даже пробует возратить спокойную жизнь. Танк стал как дом, где проходят суровые будни. О, как много в них было военных дорог!

Машину кидает то вверх, то вниз, трясутся приборы и рычаги, орет мотор, из ствола – сам вдохновитель войны, заставляя танкиста собраться во что-то угрюмое и этим угрюмым свалить противника на лопатки. Иначе и он повалит тебя. Тогда конец твоей биографии. Завершится она в грозном взрыве, а то и под гусеницами машины. Именно так. Если уж ты поселился в танке, то в танке и оставайся. И страх вон пошел! Потому что ты веришь, что враг тебя на порядок слабей. Русская сталь во все времена крепилась не только воинской дисциплиной, но и стоическим духом, с каким сам дьявол тебе как податливый пень. И не думай, не думай о собственной смерти. Тогда и она, как незваная гостья, попытается прочь. И ты остаешься живым, даже если тебя и убьют. Хотя в то, что убьют тебя, ты, естественно, не поверишь, потому что об этом узнать никому не дано. Уби-

тые на войне если и помнят себя, то только живыми. Смерти нет для сраженных в бою.

Первый год на войне. И первые три ранения. После госпиталя учеба. А после учебы? Снова греметь тяжелыми траками, снова целиться и стрелять.

На переднем участке войны нельзя уцелеть. Остаются в живых только раненые бойцы да порою старшие командиры. Малозёмов верил в свой танк как в себя. О, как было ему спокойно после успехов в бою за хутор Валуйки, где был не бой, а побоище, откуда гитлеровцы бежали. Но рота танков, которой командиром Малозёмов, догнала и оставила всех под гусеницами машин. За эту разгромную операцию Малозёмов был награжден орденом Ленина.

А вскоре еще одна схватка. Разъезд 74-го километра запомнил летящую бурю огня и металла, какая смела всех и всё, кто повел себя на чужой территории как хозяин. После этого был Иван, как и весь его экипаж, удостоен ордена Великой Отечественной войны.

По трем фронтам, включая последний из них – Сталинградский – прошла танковая рота Ивана Малозёмова, выработав особый стиль наступательного прорыва. Не случайно на броне ведущего танка было выведено большими буквами «ГРОЗА ФАШИЗМУ».

В Волгоградском музее обороны хранится письмо пионеров-поисковиков. Вот что пишут юные следопыты:

«В боях за наш город танковая рота гв. лейтенанта Малозёмова уничтожила 12 вражеских танков, 9 самоходных и 82 полевых орудия, 97 пулеметных гнезд, 5 блиндажей и дзотов, 36 автомашин с грузами, 4 бронетранспортера и свыше 1300 немецко-фашистских солдат и офицеров».

31 января 1943 года. В этот день Ивану Малозёмову было приказано уничтожить фашистские танки и артиллерию, внедрившиеся в центре города в развале домов настолько изобретательно, что, казалось, здесь их и нет.

Малозёмов вел огонь вдоль улицы, руины которой напоминали гигантские каменные гробницы. Танк бил, пока видна была цель. Но вот где-то рядом рухнул каменный дом, стена которого загорела обзор.

– Вперед! – приказал Малозёмов. Навстречу колонна танков. С ответным огнем. В самое пекло и ринулся командир. Подбил головной. Еще два снаряда взлетели на танки. Те, как в раздумье, остановились. Малозёмов похолодел. Снарядов-то нет. Не заметил, как расстрелял. Что делать? Дает приказ:

– Покинуть машину!

Подождал, пока экипаж один за другим юркнет сквозь люк, выбираясь из танка. Всё. Танк опустел. Малозёмов один. «Слава богу, – вздохнул, – ребята хоть не погибнут».

О, как затюкали по броне осколки и пули. Малозёмов повел рычагом, поворачивая машину. Туда, где танки со свастикой. Кто кого? Это был уже вызов судьбе. Танк бежал на таран. Но не в лоб он ударил врага, а сбоку, делая вмятину на броне. И второй танк был смят. Налитые кровью глаза командира всмотрелись и в третью машину. Но тут ударило так, что Малозёмов взлетел, соединяясь с железом, огнем и дымом...

31 января. Нет Малозёмова. Поэтому он и не знал, что в этот день в центре великого Сталинграда сдался в плен фельдмаршал Паулюс, повернув войну к неизбежному краху. Не знал и того, что он, Иван Прокопьевич Малозёмов, представлен к званию Героя Советского Союза.

Закончилось время 22-летнего лейтенанта, который так хотел быть поэтом, но стал танкистом, заслонившим собою Родину от врага.

КОГДА РУГАЮТ – ПОЙ!..

Муж и жена. Живут на первом этаже. Муж пьющий, через день да каждый день. Но это вечером. А днем он где-то в мастерских, то ли работает, то ли кому-то в чем-то помогает.

Жена веселая, как огонек. Зовут Наташей. Служит в бухгалтерии. Весь день среди бумаг. А после службы – во двор. Любит деревья и цветы. Здесь, около многоэтажек, ну как в Алма-Ате – черешни, абрикосы, яблони, орешники, не говоря уж о цветах, которые моргают, светятся и чуть ли не встают на цыпочках перед Наташей. И в детском городке она вся при делах. Чего-то роет, сеет, забивает гвоздь. И годовалая дочурка рядом с ней. То на качелях, то в коляске. Мало этого всего, так ведь кого-то в чем-то, как веселая душа, возьмет и выручит любя. Поможет и детишкам, коли те в беде. То девочку чужую носит на руках, то мальчика с разбитым носом усаживает на лавку и, как врача, останавливает кровь.

Порою поздно вечером встречает мужа. Тот еле на ногах, ругается. А ей как ни о чем. Ведет его под ручку, а то, как бочку, обхватив, или домой, или на детскую площадку, чтоб отошел от алкогольных доз.

Соседки ей завидуют: ну, да и ну! Не женщина, а слива во саду. Иная кто-нибудь в лицо ей так и скажет:

– Ты отчего, Наташа, эдакая ловкая? С ходями-поворотами? Ходишь как летаешь! И грубые слова к тебе не пристаю?

Наташа рассмеется:

– Людей люблю! И стареньких, и маленьких.

– А ежели тебя ругает кто?

Наташа так вся и сияет:

– Коли меня ругают, я – пою! Вот и дочурку научу и петь, и язычком журчать. Согласна, птичка-голубичка?

Дочка на веселых маминых руках. Так и взлетает к маминым губам.

– Хи! Хи! – смеется от избытка шаловливых чувств. – Я тоже с поворотами! Как ты!..

СИРОТКА

1995 год. Лето. Вологда. Среди гуляющих по улицам людей я вдруг увидел девочку в цветастой тюбетейке. На узких плечиках – потрепанная шаль. В руке – коробочка, куда бросают мелкие монетки.

– Такая грустная. Откуда? – спрашиваю ее.

Чуть раздвигает уголки губ:

– Из Грозного.

– И с кем ты тут?

На остренькое личико ложится тень. Молчит.

Я понимаю, что передо мной на каменном крыльце универмага с коробочкой в руке, куда бросают тусклые монетки, не просто девочка, а девочка-сиротка с мертвым сердцем, через которое проехала война, оставив маленькую в этом мире, как в ночи, где ничего не видно. Но все равно идти куда-то надо. Всего скорей туда, куда идти нельзя.

НАСТОРОЖЕ

Однажды посетил поселок, где никто уже не жил. Глухая осень. Ночь. Заборы как охранники заснувших огородов. Бараки без огней – не корабли, а как плывут, пересекая темноту. И вдруг шаги. Сквозь тишину. Это дворовые березы. Передвигаются, точь-в-точь колонна заключенных, которые уходят в бывший мир.

Как много мглы. И нехорошей тишины. В забытый лагерный поселок приходят тени тех, кто здесь когда-то отбывал угрюмый срок. Поскрипывают чьи-то сапоги. Нет никого, а кто-то вдруг вздохнул.

Ты никого не ждешь. Лишь слушаешь былую жизнь тех, с кем увидеться не довелось.

Упала где-то около Земли сгоревшая звезда. Вселенная не спит. Она, как и душа твоя, настороже.

ПО ХЛЕБНОМУ КРУГУ

В годы войны, особенно осенью, когда убирают хлеба, не только женщины, но и дети пристраивались к работе. То снопы с полей отвозить, то зерно молотить.

Запомнилось, как в стайке мальчиков хожу по соседству с гумном. Здесь двор с молотилкой. Шесть погоняльщиков. Шесть и коней. И пахнущая полями гора снопов спелой ржи, которая хотя и медленно, но убывает. Лошади идут одна по-за другой. Молотилка в центре круга, то ли ворчит, то ли кричит, вся в шевелении и скрипе, как живая.

Зерно, мякина и солома. Ржание коней. И мы с поводьями в руках. Круг вслед за кругом. Как хочется передохнуть. Но мы как заведенные. Без остановки.

Лошади неумимы. Без передышки топ да топ. Бункер молотилки давно ли был пустой и вот наполнен полевым зерном. В воздухе крылатая мякина, то ли летает, то ли млеет. Здесь же хоровады слепней-паутов. И беспрерывный топот конских ног.

Колхозный день. О, как он долог. Но кони терпеливы. Знают, что такое труд, когда идет война. И мальчики под стать коням. И вот весь хлеб в мешках. Мешки – на тряскую телегу. Везем. Туда, где зерносклад.

Закончен трудовой. Все по домам. Кому в деревню. Кому в город. Пыль вдоль дороги. Кто на своих двоих. А кто верхом. Я тоже на коне.

До города два километра. Вперед! Кто-то из мальчиков, дабы взбодрить себя, вдруг запекает. И я петь не умею, а пою. Не замечаю, как и в город въехал. Встречает гвалт ворон и галок. И солнышко напротив. Сидит на куполе кинотеатра. И улыбается, как друг.

И все-таки тебе смятенно. Где-то далеко, за тридевять земель идет война. А ты в тылу, как виноватый оттого, что слишком юн и на войну тебе нельзя. Там где-то у тебя твой старший брат. В 41-м он окончил школу. И сразу же – к передовой. Был ранен, полечился, и опять туда, где грохот, свист и рёв. А здесь такая тишина. Под берегом, где пристань, отходит пассажирский паром. На палубе его те самые ребята, кто уплывает на войну.

Вдогонку им шлю восхищенный взгляд. Туда же смотрит и мой конь. В глазах его, как в двух мирах, белеет паром.

ВЕЧНЫЙ МАЛЬЧИК

Тотьма. Торговая площадь. Чуть пониже ее, справа, какие-то мелкие насаждения из елочек и березок. Среди них памятник Ленину. Именно там и стоит он, где когда-то стремился вверх Георгиевский собор. То самое место, где собирались ратники Тотемского воеводства, чтобы отправиться на защиту Руси от крымских татар. Как-то странно и непонятно – была церковь и колокольня. И вдруг не стало ни той, ни другой. А ведь было и так, что в покоях этих святень благоухала сама благодать. Где-то сверху над плечом Божьей Матери поселил церковный строитель красивого ангелочка. На вид ему годика три, круглолицый, смиренный, с крылышками, готовыми взять и взмахнуть, чтобы выполнить весте поручение. Из дерева выполнен ангелочек, но щёчки, глаза, чуть привставшие плечики как живые. И сотворён-то он дивным мастером не для скучающего покоя. Для жизни. Той, что раскроется перед ним, стоит только ему прикоснуться к расстроенному челу печального человека. Приготовленный для вселения в души людей бодрых искорок жизни, ангелочек не думал о том, что рука лиходя ударит однажды его кувалдой и он опрокинется вниз, в преисподнюю, что развёрзлась как нечто свергающее под ним.

Ангел и бес. Поединка меж ними не было. Тем не менее ангел застигнут врасплох. Сколько было глухих ударов человечества в ленинской кепке, сокрушивших сначала на самой вершине купола праздничный крест, а потом – благородные стены, где прописаны были на вечную жизнь образы святых, среди которых свергнулся в провал разбитого пола и ангелочек.

Сколько лет почивал он среди продолжавшегося развала. Да и после него продолжал почивать, пугая прохожих останками от разбоя.

На беспорядок однажды обратили внимание местные власти. В центре города – и такое? Давайте-ка, граждане, на субботник! Дабы там, где стоял вещий храм, появилась зеленая травка. А на ней и сам провозвестник грядущих времен.

Запылало в центре города всё, что было выброшено на свалку, – обломки икон, рамы, утварь, хоругви, ленты, рясы и плащаницы, портреты святых, рукописи и книги. Всё, что горело, – сюда, в беспощадный огонь! Гори, костёр, укрывай преступление ирода, посыпай золой то, что было когда-то неприкасаемым и святым.

Была на таком субботнике няня детского са-

да № 1 Мария Акимовна Якушева, простая русская женщина, кого заставили делать то, что делали все.

Увидела няня среди горевших обломков крылатого ангелочка и, право, вся от жалости обмерла. Огляделась вокруг, чтоб не видел никто, и руками – в огонь. Вытащила малышку, спрятала под халат. Дождалась глухого осеннего вечера и, таясь, абы не видел никто, унесла скульптурку домой. Слава богу, никто не заметил. Вымыла, как ребёнка, вытерла полотенцем – и на полочку, в красный угол, где стояла наследственная икона, изображающая Иисуса Христа. Поставила перед ним, как перед Богом. И сказала себе: «О, как славно! Никто тебя, маленький, тут не тронет. Живи на радость мне и моей дочурке. А там на радость и всей нашей тотемской стороне...»

Город Тотьма. Мостки. Палисадники. Стоял предвоенный сороковой. По утрам, просыпаясь, хозяйка то и дело отворачивала краешек полотенца, за которым, как и суровый Господь, прятался смиренный малыш. Не деревянным он ей казался – живым. С белого личика ангелочка стекала чуть видимая улыбка, словно от солнышка, когда оно, просыпаясь, гладит лучами посадки тотемских улиц.

Дочка Иринка, нацелившись взглядом на полотенце, за которым прятался ангелок, нет-нет да и спрашивала с волнением:

– Его у нас, мама, не отберут?

Мама в ответ:

– Как отберут-то, коли о нём никто ничего не знает. И не узнает. Разве потом, когда не будут людей пугать Богом...

Минули годы. Марии Акимовны нет. И дочка ее Ирина в преклонных летах. И только с древесным мальчиком не делается ничего. Право, не мальчик, а ангелок. Глядит на заботливую хозяйку и с полочки, на которой уже не видать защитного полотенца, нет-нет да и пошлёт ей приветливый голосок:

– Доброе утро, тётя Ирина!

Лицо у Ирины в ответной улыбке:

– Доброе утро, дружок!..

Сергей БАГРОВ

родился в 1936 году в городе Тотьма Вологодской области.

*Окончил Тотемский лесотехнический техникум,
где учился вместе с Николаем Рубцовым.*

Позднее окончил Пермский государственный университет.

Первую книгу «Колесом дорога» выпустил в 1975 году.

Является автором книг: «Сорочье поле» (1978),

«Портреты» (1980), «Живём только раз» (1981),

«Посреди вселенной» (1984), «Воробьиное утро» (1984),

«В вольном небе» (2002) и других,

произведений для детей «Солёный мальчик» (1995),

«Капелька» (1998), «Говорливые бани» (2002),

юморесок, воспоминаний.

Член Союза писателей.

В журнале «Север» публикуется впервые.

